Харьков

Валерий Инкижинов познакомился с харьковским театральным режиссером Лесем Курбасом в Киеве в 1924 году...

А через два года, в 1926 году, Лесь Курбас пригласил Валерия Инкижинова поставить в Харькове спектакль по пьесе С. Моэма и Д. Колтона "Сэди".

Валерий Инкижинов с большим удовольствием откликнулся на приглашение осуществить постановку пьесы.

Театр "Березиль", которым руководил Лесь Курбас, как раз переживал не самые лучшие времена. Театр только что переехал из Киева в Харьков, было несколько неудачных постановок Курбаса, и ряд актеров покинули театр. Потому Лесь Курбас и решил пригласить на этот период в театр Валерия Инкижинова, уже достаточно известного в театральных кругах.

Кроме того, и это очевидно, что Лесь Курбас нуждался в творческой поддержке В. Инкижинова и рассчитывал на авторитет последнего, чтобы выстоять в кампании, развязанной недоброжелателями против Л. Курбаса, одного из самых лучших украинских театральных режиссеров.

Работа с В. Инкижиновым воодушевила актеров "березильского" театра на новые поиски и свершения, обогатила их актерскую технику и, безусловно, пополнила их творческий потенциал.

Благодаря социально острому и интригующему сюжету драмы "Сэди", реалистическому режиссерскому решению и, прежде всего, прекрасно подобранному ансамблю исполнителей главных ролей: Иван Марьяненко, Наталия Ужвий, Марьян Крушельницкий и др., спектакль был восторженно принят публикой.

Советы и работа режиссера Инкижинова помогали артистам выстраивать свою профессиональную работу таким образом, чтобы реалистически воплотить данные характеры, находить в роли характерные черты поведения.

Новый успех театру принесла музыкальная комедия А. Салливена "Микадо", премьера которой состоялась в апреле 1927 года. В постановке В. Инкижинова в спектакле звучала не только добродушная ирония, но и злая сатира на этот многоликий мир, в котором люди — словно марионетки...

Творческое содружество двух режиссеров — Леся Курбаса и Валерия Инкижинова — дало свои замечательные плоды. Неслучайно в 1927 году

театральный критик Ж. Гудран–Смолич писал: "В театральной работе сейчас уже признанным лидером является "Березиль".

Это не просто профессиональный театр, а определенное направление искусства, сплоченная группа художников с конкретной установкой и программой работы...

"Березиль" сейчас задает тон, к нему прислушивается весь театральный актив, на достижениях его учится и растет наше театральное искусство."

Благодаря В. Инкижинову для каждого из актеров театра этот сезон работы с ним стал еще также и ступенькой в овладении пластической техникой, музыкальной и вокальной культурой, расширением творческого диапазона. Несомненно, Валерий Инкижинов, владевший почти в совершенстве техникой "биомеханики", сыграл в этом важную роль.

Вследствие всего этого "Березиль" стал настоящей кузницей талантов. Ряд режиссеров и актеров театра позже стали руководителями новых театральных коллективов: В. Василько – в Одессе, Я. Бортник – в Харькове, успешно снимались в кино Амвросий Бучма, Наталия Ужвий, Марьян Крушельницкий, Лаврентий Масоха и другие.

Пребывание Валерия Инкижинова в Харькове было недолгим, неполных два года, но следы его творчества, как режиссера и наставника, оказались глубокими и плодотворными.

В 1954 году в Мюнхене Валерий Инкижинов дал интервью украинскому журналисту И. Костецкому, в котором рассказал о своей работе с театральным режиссером Лесем Курбасом.

Он начал так: " Я хотел бы, чтобы все мои далекие от совершенства слова стали гимном Лесю Курбасу. Этот человек в моей жизни остался наисветлейшим воспоминанием.

Это было существо тонкое и трагическое.

И это была наиболее яркая личность во всей новой украинской культуре. Не говоря про чисто человеческое обаяние и его театральные удачи, он был как раз тем представителем искренней украинской стихии, которая нужна была в то время Украине.

Человек колоссальной культуры, всеми нервами Лесь Курбас был человеком театра. В нем соединилось наилучшее, что так необходимо для этого вида искусства: поэт, музыкант, танцор. Он стоял выше обыкновенного реализма. Как творец, он синтезировал Моцарта и Сальери. Свое вдохновение он покупал творческим потом.

Курбас был всюду незаменим. Скромный, не умевший себя показать, он был, конечно, вровень самому Мейерхольду. Для него очень важным был вопрос формирования театра, происходившего через окружавших его людей. И прежде всего он требовательно работал сам над собой. Он переигрывал перед зеркалом все роли, включая и женские, и он был очень талантливым актером.

В противоположность Мейерхольду Курбас был одновременно отцом и матерью спектакля и всей актерской труппы. Если для Мейерхольда любой спектакль был поводом показать самого себя, подчинив себе всякую актерскую индивидуальность, то для Курбаса актеры были всегда автоном–

ными творцами. Безусловно, он их рождал, делал, но с момента рождения он давал им полную творческую самостоятельность.

Я не раз был свидетелем, как люди самых различных творческих художественных цехов собирались у Курбаса ради простых минут взаимного человеческого общения. Возвращались они от него духовно наполненными, одухотворенными, получившими заряд от его внутренней душевной щедрости.

Я работал довольно долго с Мейерхольдом и знал, что каждый режиссер — руководитель смотрит на свой театр, как на свое предприятие. Но то, что мне сказал Курбас, приглашая меня в свой театр, поразило меня невероятнейшим образом...

Он сказал: "Моему театру необходимо дыхание свежего ветра, новое движение, другая воля, другая инициатива, даже техника. Вы бросили Мейерхольда из-за желания быть собственно собой, и это делает вас в моих глазах идеальным человеком для театра. Если вы придете ко мне, то сможете больше никого не повторять. Я буду рад, если мой театр станет экспериментальным полем...".

Когда я начал работать, Курбас непосредственно включился в дружеское сотворчество со мной. Он предоставил мне полную волю, взяв на себя миссию сделать понятными для актеров мои творческие требования.

Взаимоотношения у нас были творчески совершенно независимые. Они строились на полной откровенности и обоюдной искренности.

Мечта Курбаса лежала в создании украинского театра высшего качества, высокого мировоззрения, европейского мировосприятия, даже мирового. Он постоянно искал настоящий синтез.

Он уделял колоссальное, огромное внимание выразительности речи. Он хотел, чтобы каждый актер приобрел должную технику, чтобы и звук, и материальное оформление, и все иные компоненты украинского театра стали выражением украинского гения.

Курбас был очень хорошим актером. Но в нем сидел какой-то червь, который запрещал ему играть. Это было похоже на вечные угрызения совести. Любовь к театру диктовала ему строгую самоогранку. Он прекрасно показывал отрывки ролей актерам, но сам себе запрещал играть в своих спектаклях. Полностью сосредоточивался на режиссуре, отдавая ей весь свой талант.

Тяжесть его существования даже чисто физически была невероятной. Ему все время приходилось защищать свой театр. Каждый чиновник считал должным обрушивать на самого Курбаса и на его театр шквал критики.

И огромная душа Курбаса все переваривала в себе. Он приходил в театр в тяжелом настроении, но никогда никому не показывал этого. Никто в театре не дрожал, никто не говорил: "У Курбаса плохое настроение!", как это обычно бывает с другими руководителями.

Он был на десять голов выше всего администраторского окружения.

Против него все время вели кампанию. Его упрекали в его поисках, которые будто бы были чужды зрителю. А с моей постановкой оказалось, что театр Леся Курбаса может ставить спектакли реалистические.

И вдруг я стал замечать, что невольно становлюсь оружием против Курбаса. Меня хотели использовать против Курбаса и его творческой линии в искусстве. Из споров искусствоведческих постарались раздуть скандал политический.

Это было против моих убеждений и всех моих собственных чувств. Курбаса я очень любил, любил более, чем кого-либо из театральных коллег. Любовь к этому кристальному человеку соединялась у меня с глубоким уважением.

Я решил сделать все от меня зависящее, чтобы мой труд в его театре не только не причинял ему вреда, но и по возможности оградил его от нападок властей. И после короткой поездки в Москву, в начале 1928 года я снова возвратился в Харьков, чтобы поставить спектакль "Микадо" Салливена.

Это одна из старейших английских опереток, в которой я хотел соединить остроту выразительности китайского театра со средствами европейской комедии "дель арте". Я искал игру точную, веселую и злую, которая бы привлекала к себе.

В спектакле я пошел на компромисс: я решил внести в "Микадо" кое-что из "курбасовщины".

Это была проблема сложная — мне хотелось показать этим людям, от кого зависела судьба украинского театра: то, что делает Курбас — хорошо, что, хотя мы с ним придерживаемся разных стилей, но в нашем творчестве находятся общие точки касания.

И, когда я посвятил Курбаса в мои небольшие хитрости с постановкой, он меня поцеловал и сказал: "Делайте всегда только то, что вам хочется делать". Так и было на самом деле.

Лесь Курбас предложил мне руководить украинским театром в Киеве или остаться в театре в Харькове. Я вроде бы не возражал, но случилось нечто, что в корне перевернуло мою собственную жизнь. Я получил из Парижа от жены сообщение, что умерла моя дочь. Я должен был ехать.

До сих пор ощущаю, что, будь я в Харькове, можно было многое переменить в судьбе самого Леся Курбаса. Он дал мне понять, что вокруг него разрастается борьба.

Разговор наш был в высшей степени драматичен. Я уезжал, чтобы никогда больше не возвращаться.

На прощание Курбас сказал мне только одно слово: "Судьба".

Благодаря Курбасу я влюбился в Украину, полный ей иностранец. Я чувствовал себя хорошо.

Я был счастлив, я ощутил крепкую любовь и привязанность к украинцам.

У Миколы Бажана есть одно известное стихотворение о том, как монгольские орды залили Украину. Некий украинско-монгольский синтез, а я пережил обратное: над моей монгольской душой — украинское сладостное ярмо.

В моей душе есть два слова: Украина, Курбас.

Я люблю Украину, и эта любовь ассоциировалась у меня всегда с образом Леся Курбаса."

Верхнеудинск

В этот же период, в 1927 году, Валерий Инкижинов получает от Всеволода Пудовкина предложение сыграть главную роль в его новом фильме "Потомок Чингисхана".

Сценарий этого фильма написал Осип Брик, (поэт и драматург, близкий друг Владимира Маяковского. Осип был женат на Лиле Брик, в которую был влюблен В. Маяковский, позже посвятивший Лиле Брик поэму "Облако в штанах", — примечание автора).

Брик положил в основу сценария рассказ писателя — бурята Ивана Новокшонова о молодом партизане Баире из отряда Каландаришвили (самого писателя постигла трагическая судьба. В годы репрессий он попал в тюрьму, затем ГУЛАГ, где он и погиб — примечание автора).

Всеволод Пудовкин был уже известен своими фильмами "Мать" и "Конец Санкт—Петербурга". Свой новый фильм он хотел назвать "Бурреспублика", и, думается, немаловажную роль в выборе сыграло то, что Валерий Инкижинов чуть раньше задумал и написал сценарий документального фильма "Бурреспублика", съемки которого должны были проходить, естественно, в Бурятии.

Приглашение Валерия Инкижинова на роль Баира объяснялось не только тем, что он внешне больше всех претендентов соответствовал реальному облику монгола Баира, но и тем, что Пудовкин был знаком с ним раньше, знал, что Валерий способен сыграть эту роль.

Кроме того, и это очевидно, Пудовкин видел некоторые картины Валерия, поэтому предложил Инкижинову стать также и сорежиссером фильма. Валерий согласился и, более того, именно он предложил Пудовкину провести натурные съемки на его родине.

Всеволод Илларионович Пудовкин - (1893 - 1953), выдающийся советский кинорежиссер и теоретик кино, один из основоположников советской кинематографии. Преподавал во ВГИКе. Народный артист СССР. Поставил фильмы: "Мать", "Конец Санкт-Петербурга", "Потомок Чингисхана", "Суворов", "Минин и Пожарский", "Жуковский", "Адмирал Нахимов" и др. — примечание автора).

Всеволод Пудовкин принялся за эту работу поначалу без всякого энтузиазма: "...Нельзя снимать, потому что получается совсем не подходящая нам лента... Боюсь, что картина какая-то глупая выйдет... все будто идет внешне хорошо... на самом деле и сам не знаю... Не хочу я больше таких картин... Брошу работать после нее...".

В марте 1928 года съемочная группа во главе с Пудовкиным приехала в Бурятию. Всеволод Пудовкин и оператор Анатолий Головня, впервые попавшие в тайгу, не могли скрыть своего восторга от пейзажей, юрт, всадников — от всего увиденного: "Самые радостные воспоминания... Мы то и дело останавливали автомобиль, чтобы сфотографировать внезапно поразившие нас виды: жанровые, бытовые картины, еще не зная даже, какое место они займут в будущем фильме... Сценарная схема рухнула под напором экзотических впечатлений. ".

Их поразили дацаны и богослужение лам в дацане: "...ЦАМ поразил нас своим своеобразным, невиданным ранее великолепием. Причудливые маски и костюмы; странные тембры музыкальных инструментов, гудящих, стонущих и завывающих; удивительный ритм, отбиваемый тарелками, отчетливый и точный — все это создает незабываемое впечатление...".

Снимали в окрестностях Верхнеудинска, в Гусиноозерском дацане и Боргойской степи...

Пудовкин пишет: "...Исключительный по разнообразию и богатству пейзаж... Огромные степные пространства, скалистые горы, мощные и четкие, тайга сразу за Березовкой с ее дикой чащей и буреломами... материал замечательный...".

Кадры буддийского праздника ЦАМ в дацане стали уникальными для истории кино... А съемки финала фильма превратились в настоящий бурятский праздник. В Боргойскую степь, на границе с Монголией, съехались жители Селенгинского, Кяхтинского и Джидинского аймаков. Две тысячи всадников пронеслись по степи, олицетворяя революционную бурю, сметающую все на своем пути...

Валерий Инкижинов создал в фильме запоминающийся образ молодого монгола — охотника, борющегося за освобождение своей родины.

Критики высоко оценивали игру актера. Сам Пудовкин вспоминал: "...В фильме есть сцена, где умирает партизан. Там рядом сидит монгол Баир (В. Инкижинов) — и вдруг он поворачивается...

Это была потрясающая вещь!.. Инкижинов сделал это так, как никто и подумать не мог... Он просто убил меня каким-то богатством своего выражения".

Искусствовед Н. Иезуитов отмечал, что "...сила образа Баира зависела не только от выразительного драматургического и монтажного построения, но больше всего от игры Валерия Инкижинова.

Эпизод расстрела Баира надолго запомнится советской кинематографии, как один из лучших...".

Валерий Инкижинов так писал о своей роли в статье "Баир и я":

"...Роль Баира задумана сценаристом и режиссером, как сочетание обобщенного образа с чертами индивидуальными...

Я понимал, что мой Баир — герой, через которого показываются большие события, происходящие в целом народе. Надо было играть настоящего монгола и меньше всего казаться актером...

И вместе с тем надо сделать искренние, трогательные сцены, где можно идти только от себя, показывая свои личные свойства.

Я... много тренировался, чтобы хорошо бегать, прыгать, лазать на горы и падать с них, бороться, драться...

...Важным требованием режиссера было — влезание в монгольскую кожу... Наблюдать, подражать — этого очень мало, это лишь актерское сырье.

Надо ухватиться за такую основу, на которую можно укрепить ту или иную подсмотренную ухватку, общую или индивидуальную деталь национальной манеры.

... Я наблюдал, толкался среди сородичей, кое-что пробовал перед зеркалом, наедине, без режиссера, и пришел к выводу, что намеченное нами в Москве с В. Пудовкиным было правильной основой: ...сдержанность... при показе эмоционально-насыщенных сцен; накопление энергии (скажем, гнева) и внезапный бешеный разряд в высшей точке напряжения действия; отсутствие ненужных... деталей...

Многим еще баир обязан Анатолию Головне. Головня писал своим аппаратом суровую монгольскую поэму и вел облик Баира по линии, которую я ощущал все время Оказывается, может установиться связь у актера с оператором где остановиться, куда повернуться

Аппарат Головни — это живая вещь, темпераментная, ищущая...".

Статья Валерия Инкижинова "Баир и я" была напечатана в 1928 году в журнале "Советский экран". Фильм еще не был закончен, съемки еще продолжались...

Еще ждала его создателей всемирная слава...

Любопытно, что роль отца Баира в фильме исполнял родной отец Валерия Инкижинова — Иван Николаевич Инкижинов, приглашенный на съемки из города Иркутска, где он проживал в то время.

Вот что рассказывал о съемках фильма сам Всеволод Пудовкин:

"...Картина отражает 19-е и 20-е годы в Бурятии, период интервенции, когда империалисты пытались втянуть в антибольшевистскую борьбу монгольский народ, использовав легенду о потомках Чингисхана...

Условия для работы здесь, в Бурятии, ...благоприятные. Мы встретили самое хорошее к себе отношение... признаться, я не ожидал такого приема.

Никогда за всю свою кинематографическую жизнь я не снимал в такой спокойной и благоприятной обстановке.

Должен признаться, что с большой робостью я ждал момента, когда придется столкнуться со съемкой людей из местного населения.

...Первые же сцены показали, что опасения мои были напрасными... мы столкнулись с удивительно податливыми, искренними и выразительными людьми...

Еще раз я убедился в том, что нет необходимости связывать себя в работе только с актерами — специалистами... С бурятами дело обстояло исключительно хорошо... они давали даже больше, чем я требовал...

Теперь, почти через два месяца беспрерывной съемочной работы, я уезжаю в Москву, увозя с собой богатый материал... Думаю, что разочароваться не придется...".

...Фильм "Потомок Чингисхана" принес его создателям, как В. Пудовкину, так и В. Инкижинову, мировую известность...

Фильм стал одним из самых репертуарных фильмов в конце 20-х годов, пользующихся широким зрительским успехом. Но больший успех картина завоевала за рубежом.

В феврале 1929 года из Берлина сообщалось, что в первые недели демонстрации "Бури над Азией" (так назвали фильм "Потомок Чингисхана" в прокате за рубежом — примечание автора), за билетами стояли такие огромные очереди, что полиции приходилось вмешиваться и следить за порядком...

Одна за другой появляются восторженные статьи. Немецкая газета "Фоссише цайтунг" писала: "Новый фильм В. Пудовкина "Буря над Азией" является шедевром, глубоким, волнующим и потрясающим событием. "Буря над Азией" — это событие в истории кино.

Тонко и тщательно построенное действие, начинающееся судьбой монгольского охотника и возрастающее до судьбы целого народа, до борьбы за освобождение нации."

Ромен Роллан сказал, что "Потомок Чингисхана" поразил его... полнотой ощущения никогда не виданной страны, своеобразия жизни ее людей... кажется, даже, что мы находимся среди них, вживую ощущаем дыхание революционной бури...".

(c) : BIFI) Arkйion films

"Одной роли было достаточно, чтобы навсегда войти в историю киноискусства..."

Он сумел передать в своей роли всю страсть того времени...

После огромного успеха в "Потомке Чингисхана" у Инкижинова начался естественный творческий взлет. В 1929 году он принимается экранизировать пьесу З. Рахманкулова "Пучина", дав своему фильму название "Комета" и пригласив на главные роли лучших актеров: известного актера МХАТа М. Яншина, П. Репнина, И. Боброва, В. Вода. Главную женскую роль в фильме сыграла очень популярная в то время киноактриса Галина Кравченко.

Вот что она рассказывала в своих воспоминаниях:

"В первый раз мы встретились с Валерием Инкижиновым на съемках фильма "Веселая канарейка", который снимал Лев Кулешов. Следующей моей совместной работой с Валерием Инкижиновым была роль в его фильме "Комета". Валерий Инкижинов уже был известен. Он приобрел известность после фильма Всеволода Пудовкина "Потомок Чингисхана", в котором он исполнил главную роль — Баира.

Одной этой его роли было достаточно, чтобы навсегда войти в историю киноискусства...".

Париж

Валерий Инкижинов закончил съемки фильма "Комета" в 1930 году. В этом же году состоялась премьера, но вскоре фильм по непонятным причинам был запрещен.

Инкижинов продолжает преподавать в киностудии, одновременно работает в Госцирке, преподает там клоунаду...

Но он чувствует творческую, да и личную неудовлетворенность...

Последнее упоминание об Инкижинове появилось в советской газете "Кино" в ноябре 1929 года: "Режиссер Валерий Инкижинов закончил постановку картины "Комета" и выехал в месячный отпуск в Париж, где он познакомится с работой по звуковому кино".

Валерий Инкижинов из Парижа не вернулся...

И после его решения остаться за границей, на него, уже известного театрального теоретика и педагога, режиссера, актера, исполнителя главной роли в фильме "Потомок Чингисхана", опустился занавес запрета, само имя его было запрещено, даже из титров фильма "Потомок Чингисхана" он был вычеркнут...

Фильмы, снятые им, были полностью уничтожены. Ни малейшего упоминания о нем и его творчестве нельзя было отыскать ни в одном из солидных кинословарей и киноэнциклопедий, изданных за все эти годы в России.

Ходили легенды о причинах, заставивших его покинуть Родину.

Это, с одной стороны: несогласие с некоторыми деятелями советского кинематографа, проводившими усиленную идеологизацию киноискусства, с другой стороны: страх перед репрессиями, обрушившимися на деятелей искусства в эти годы, и, наконец, третье и, пожалуй, самое главное: многочисленные предложения сниматься в кино, поступившие к нему от французских режиссеров.

И справедливости ради надо сказать, что Валерий Инкижинов спас свою жизнь, уехав из страны Во Францию к нему приходили печальные вести: расстреляны Мейерхольд и тысячи других его коллег и друзей по искусству.

В Москве разрушают церкви, в Бурятии разрушен дацан, в котором шли съемки "Потомка Чингисхана".

Уничтожены тысячи статуэток золотых, серебряных и бронзовых Будд вместе с музыкальными инструментами, участвовавшими в съемке фильма, сжигаются священные книги...

Популярная актриса 20–х годов Галина Кравченко, снимавшаяся у Инкижинова в фильме "Комета", высказывала свою версию его отъезда.

Она писала так: "Как режиссер, Инкижинов был профессионален и ловок. Однако его режиссерские работы лишены жизненности, оторваны от народа. Поэтому критика его фильмов, бесспорно, справедливая.

Он был человек болезненно самолюбивый и в большой степени самовлюбленный... В нем удивительно сочеталась Европа с восточной экзотикой. Преувеличенное мнение о своих, как он считал, неоцененных способностях привело Инкижинова в 1930 году в лагерь эмигрантов...".

Об истинной причине отъезда Валерия Инкижинова за границу соотечественники узнали в 1954 году из уст самого Валерия Инкижинова, который дал интервью украинскому журналисту И. Костецкому.

Вот что сказал в интервью сам Валерий Инкижинов: "В 1929 году я хотел работать в Харькове. Лесь Курбас предложил мне руководить театром. Я вроде бы не возражал, но случилось нечто непоправимое, что в корне перевернуло мою собственную жизнь. Я получил из Парижа сообщение от моей жены, что там умерла моя дочь. Я должен был ехать.

Последний разговор наш с Курбасом был в высшей степени драматичен. Я уезжал, чтобы никогда более не возвращаться. Курбас сказал мне на прощание только одно слово: "Судьба".

В. Инкижинов был не только достойным учеником Кулешова, но и, в свою очередь, был теоретиком театра – создал теорию актерской сценической пластики – "биомеханики".

Кроме этого, Валерий Инкижинов был талантливым актером кино. Роль Баира в фильме В.Пудовкина "Потомок Чингисхана" – блестящее тому доказательство.

Вот почему на Западе сразу же по достоинству оценили талант нашего земляка.

Галина Кравченко писала: "Мы знаем по прессе, что за границей он ничего выдающегося так и не сделал".

В противовес возмутительно–предательскому утверждению Галины Кравченко мне хочется привести выписку из кинословаря, выпущенного во Франции Ж. Тюларом: "Валери Инкижинофф... актер, режиссер, эмигрант из России... начал свою карьеру с роли монгола Баира – Потомка Чингисхана в фильме В. Пудовкина "Буря над Азией"... бритый наголо, с узкими монгольскими глазами... он сыграл азиатов во многих фильмах, сумев создать волнующие образы... (далее перечисляются европейские фильмы, в которых участвовал актер Валерий Инкижинов. Читатель может ознакомиться с полной зарубежной фильмографией Валериана Иванович Инкижинова во второй части этой книги – примечание автора).

Действительно, кроме роли монгола в фильме В. Пудовкина, Валерий Инкижинов переиграл в европейских фильмах всех китайцев и японцев!..

Творчество Валерия Инкижинова здесь было весьма и весьма плодотворным: он сыграл в сорока четырех фильмах.

...Он приехал в Париж в 1930 году. И в этом же году сыграл главную роль в фильме А. Сандберга "Желтолицый капитан".

Следовательно, сниматься в зарубежном кино он начал сразу, как только попал во Францию!..

В 1933 году Инкижинов сыграл опять главную роль – Радэка в фильме "Голова человека" по произведению Жоржа Сименона. Картину поставил известный французский режиссер Жюльен Дювивье, прославившийся во всем мире своим фильмом "Большой вальс".

Приглашений сниматься у Валерия Инкижинова было много, настолько много, что он часто снимался одновременно в нескольких фильмах сразу. В 1933 году он занят в фильме Николя Фаркаша и Виктора Туржанского "Битва", где играет роль Хирата. Кроме того, в этом же году снимается у Робера Виена в фильме под названием "Акт полицейского 909".

В 1934 году на мировые экраны выходят сразу две картины с Валерием Инкижиновым: фильм "Волга в огне" Виктора Туржанского, тоже русского эмигранта, затем "Амок", картина, снятая по роману Стефана Цвейга режиссером Федором Оцепом (Федор Оцеп – успешный в России актер, сценарист, написавший сценарии к таким знаменитым фильмам, как: "Аэлита", "Папиросница из Моссельпрома", "Пиковая дама" и др. В 1929 году выехал в Германию и остался там. Работал в разных странах, как актер, как режиссер, снял фильмы "Гибралтар", "Миражи Парижа", "Сплетни города" и др. – примечание автора).

А в 1936 году на экраны Европы выйдут целых три фильма с участием Инкижинова: "Четверо из Санта– Круза" режиссера Вернера Клингера, "Фризеннот" режиссера Петера Хагена и "Бурлаки на Волге" русского эмигранта Владимира Стрижевского, который также уехал из революционной России на Запад и сделал там весьма успешную карьеру режиссера.

В 1937 году Валерия Инкижинова приглашает на одну из главных ролей в своем фильме "Пираты железнодорожных путей" талантливый французский кинорежиссер Кристиан–Жак, и с этого момента начнется

творческая дружба двух талантливых кинематографистов, которая протянется через всю их долгую жизнь.

Кристиан–Жак начал свою карьеру режиссера с постановки кинокомедий с участием очень смешного комика Фернанделя. Его лучшие картины "Кармен" с участием Жана Марэ, "Фанфан–Тюльпан" с Жераром Филиппом в главной роли, "Бабетта идет на войну" с Бриджит Бардо, до сих пор популярны и любимы зрителями.

Очевидно, что интеллигентный, всегда подтянутый, элегантный Валерий Инкижинов умел дружить с людьми, с коллегами по творческому цеху.

Неслучайно долгие годы его связывала творческая дружба с режиссерами Фрицем Лангом, который снял Инкижинова в двух своих фильмах: "Индийская гробница" и "Эшнапурский тигр", и с таким известным режиссером, как Кармино Галлоне.

С последним Валерий Инкижинов работал вместе в трех фильмах: "Дочь Мата Хари", "Мишель Строгофф", "Триумф Мишеля Строгофф".

Начавшись в 1937 году, дружба В. Инкижинова и Кристиана–Жака продолжалась более тридцати лет.

В 1971 году, проводя кастинг на роль Спиттинга в своем фильме "Нефтедобытчицы", Кристиан – Жак среди всех претендентов предпочтет своего старого друга Валерия Инкижинова.

После этого весьма популярного фильма Валерий Инкижинов сыграет еще в фильме Алена Дэно "Сын неба" в 1972 году. Это телевизионный 26–ти серийный фильм, он играл роль Мэнха, и это была последняя роль Валерия Инкижинова, сыгранная им на экране... За год до смерти...

...Накануне Второй мировой войны Европа жила в тревожной атмосфере. Из Франции в Америку эмигрируют друзья и коллеги Валерия Инкижинова: Федор Оцеп, Фриц Ланг, Жюльен Дювивье, Жорж–Вильхельм Пабст, у которого Валерий Инкижинов снимался в фильме "Шанхайская драма", и многие другие режиссеры.

Но все же он успел в 1938 году сыграть роль Людовика Стиннера в фильме Андрэ Югона "Улица без радости" и роль Белого Дракона в "Шанхайской драме" Жоржа–Вильхельма Пабста.

...Инкижинов во время оккупации по некоторым данным жил в Америке.

Хотя, с другой стороны, имеются свидетельства эмигрантов – калмыков Г.Бурджалова и Д. Бурхинова, которые утверждают, что во время второй мировой войны жили с родителями в Париже, оккупированном немцами. По их рассказам, в трудные дни им приходилось подрабатывать себе на жизнь на предприятии, принадлежавшем богатому буряту Валерию Инкижинову... Якобы Инкижинов часто общался с их родителями...

Подробности творческой деятельности Валерия Инкижинова в американском кинематографе пока, к сожалению, неизвестны. Но перерыв в десять лет между двумя последними фильмами с его участием, снятыми в 1938 году, и фильмом "Ренегатка" режиссера Жака Северака, в 1948

году, где Инкижинов сыграл роль Мектара, доказывает отсутствие Валерия Инкижинова в европейском кинематографе, то есть, попросту говоря, его десять лет не было в Европе...

...После войны В. Инкижинов снова начинает сниматься..

В 1949 году выходит на экран фильм Раймона Бернара "Майя", где Инкижинов сыграл роль Кашемира. Затем в 1950 году фильм Анри Атавая "Черная роза", роль Шинеза. Потом последовал довольно длительный перерыв, и только через четыре года, в 1954–м, появился следующий фильм с его участием "Веррат в Германии" (я нашла в словаре только одно значение слова "веррат" – "свинья". Хотя вряд ли название фильма переводилось именно так: "Свинья в Германии" (?). В России он шел под другим, более удобоваримым, названием: "Доктор Зорге" ("Шпион из Токио"), но в Европе, во всяком случае, во всех зарубежных киноархивах фильм 1954 года с Валерием Инкижиновым называется именно так: "Веррат в Германии" – примечание автора).

В этом фильме Инкижинов играл роль Осаки, а снял этот фильм всемирно известный режиссер Вейт Арлан. В этом же, 1954, году, выходит на экраны картина Кармино Галлоне "Дочь Мата Хари", где Инкижинов блистает в роли Наоса.

В 1956 году актер одновременно был занят в двух фильмах: в картине режиссера Эдуарда фон Борсоди "Любимая Коринна" играет роль безымянного китайца, и новая работа со старым другом Кармино Галлоне, который предложил Инкижинову большую роль Феофор Хана в своем фильме "Мишель Строгофф".

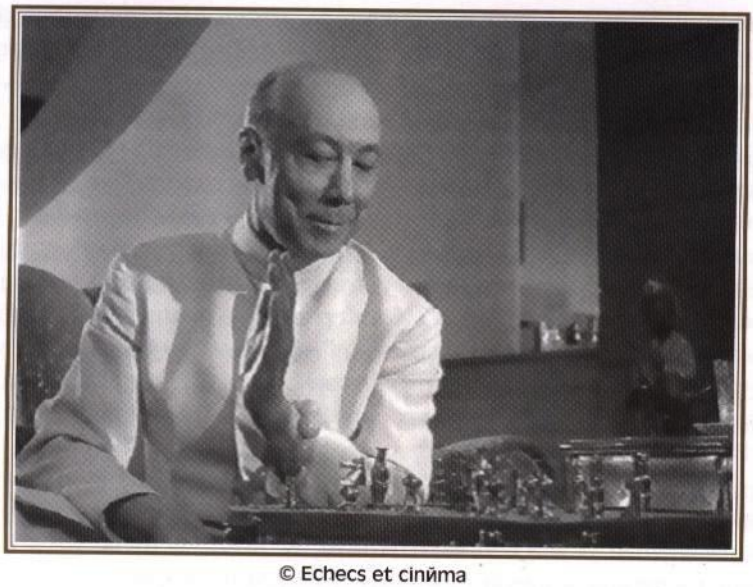
Следующая картина, в которой вновь блистательно играл наш земляк, называлась "Сталинградский врач". Фильм работающего в Италии венгерского режиссера Гезы фон Радвани, вышедший на экраны в 1958 году, снискал огромную популярность, благодаря участию в нем известных актрис Евы Барток и Веры Чеховой, актеров Марио Адорфа, Ханнесса Мессемера и Валерия Инкижинова.

Инкижинов играл с ведущими актерами европейского кино. Так, в разных фильмах его партнерами становились Бриджит Бардо, Клаудиа Кардинале, Марина Влади, Херманн Спильманн, Тайрон Повэр, Ален Делон, Лино Вентура, Жан–Поль Бельмондо, Робер Оссейн и многие другие известные актеры.

Более того, некоторые актеры учились у В. Инкижинова. Так, Х. Мессемер, дебютировавший в кино в 1957 году, позднее рассказывал, что, снимаясь вместе с Инкижиновым в фильме "Сталинградский врач", где Инкижинов играл коменданта лагеря, он наблюдал за Инкижиновым.

Он многое подсмотрел у него, а позже использовал инкижиновские находки для создания правдивого образа другого коменданта лагеря уже в фильме "Большой побег".

В 1959 году Инкижинов снялся сразу в двух лентах знаменитого Фрица Ланга, с которым он долгое время находился в тесных дружеских отношениях: "Эшнапурский тигр" и "Индийская гробница".



© Echecs et cinйma

Валериан Иванович Инкижинов в 1957 году. Париж.

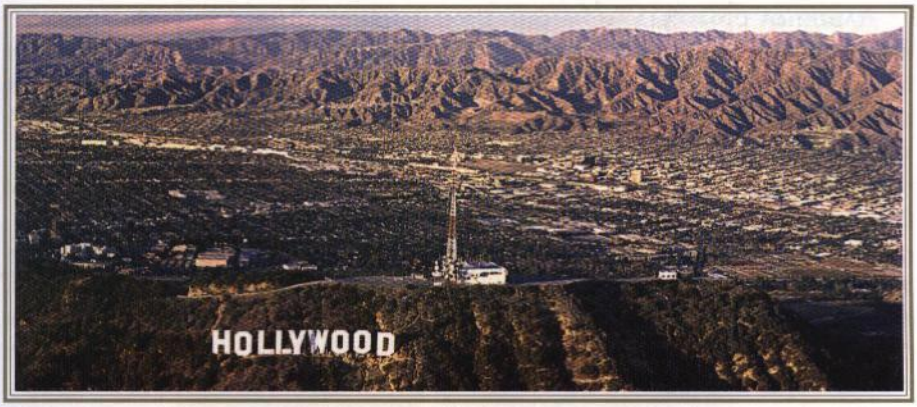
Талантливого актера приглашают лучшие режиссеры мирового кинематографа... Инкижинов неустанно снимается...

Только за один 1961–й год он сыграл роль Хайга Приеста в картине Риккардо Фреды "Великан двора Хубилай Хана", затем тот же Кармино Галлоне приглашает его на роль Амекталя в фильме "Триумф Мишеля Строгофф", а режиссер Леонид Могуй снимает его в картине "Все хотят жить".

В последующие годы он появляется в эпизодах разных фильмов, играет небольшие роли в картинах "Урсус, гладиатор", "Доктор Мабюз", "Ник Картер уничтожит все", "Мой дядя из Техаса"...

В 1965 году В. Инкижинову исполнилось семьдесят лет...

Но в этом же году Инкижинов, полный энергии и сил, играет большую роль мистера Гоу в фильме Филиппа де Брока "Приключения одного китайца в Китае", еще раз блестяще доказав свою профессиональность...



Америка

Среди всех легенд о Валерии Ивановиче Инкижинове есть несколько устных подтверждений его пребывания в Америке...

По свидетельству Валерия Хараева, заслуженного артиста Республики Бурятия, бывшего в молодости моряком Тихоокеанского флота, в 1952 году в американском городе Сан-Франциско некий респектабельный господин азиатского типа, встретив советских моряков, представился им и пригласил их к себе...

Приводим дословно рассказ Валерия Хараева:

"Наши моряки... пришвартовались в порту города Сан-Франциско...

Однажды на пирсе к группе наших матросов подошел представительный человек, по виду азиат. Начал со всеми здороваться, знакомиться чисто по-русски. Бурно почти каждого обнимал, хлопал по спине... разговорились... у него из глаз брызнули слезы.

Человек назвал себя Валерием Инкижиновым, говорил, что он родом из Сибири, допытывался, бывал ли кто-нибудь из них в Верхнеудинске или Иркутске. Несколько матросов сказали, что бывали там только проездом.

В знак знаменательной встречи новый знакомый пригласил к себе домой в гости. Тут к оживленной группе матросов подошел наш офицер и охладил пыл американца, памятуя о различного рода провокациях со стороны бывших союзников. Мол, приглашение ваше принять не можем. Вот если советское консульство в Сан-Франциско не будет возражать, то пойдем с удовольствием.

Такой поворот разговора не смутил того, он даже разулыбался: какие, мол, проблемы, будет официальное приглашение, советское консульство возражать не будет.

Действительно, на следующий день консульство дало свое "добро". Количество приглашенных значительно увеличилось. Сорок человек были в гостях у Валерия Инкижинова. Прием состоялся в просторном зале киностудии, на стенах висели красочные афиши, на которых можно было легко узнать хозяина особняка.

Длинный стол был заставлен угощениями: разные напитки, закуски, сладости... Было много тостов о Родине, о дружбе, о мире... Зву чали песни... Валерий Иванович был, что называется, в ударе, вместе с гостями шутил, смеялся и пел. Как настоящий бурят — боханец, не забывший традиции родного народа, принял гостей, как положено.

Историю эту услышал я от своих сослуживцев... очень жалел, что не был участником такого примечательного похода...".

И это действительно подтверждается документально. Я обратила внимание на то, что в фильмографии Валерия Инкижинова есть пробел. Так, после войны, вернувшись во Францию, он снялся в фильме Анри Атавая "Черная роза". Это было в 1950 году, а его следующий фильм появился только спустя четыре года, в 1954—м, фильм назывался "Веррат в Германии" (в русском прокате "Доктор Зорге" ("Шпион из Токио").

Но Инкижинов в то время был очень популярен, он очень часто снимался: по два, а иногда по три фильма в год!

И вдруг четыре года молчания... Не может быть, чтобы его не приглашали...

Следовательно, можем предположить, что в этот период, с 1950—го по 1954—й, он по каким—то причинам опять покинул Францию и находился в Америке... Возможно, что и в США он снимался в кино... Он был востребован...

И еще одно свидетельство пребывания Валерия Инкижинова в Америке. Как рассказывает известный киновед, профессор, кандидат искусствоведения Алексей Тугутов, в конце 1960—х годов он услышал однажды рассказ ветерана войны, который... "вернулся в Улан—Удэ со встречи однополчан... Во время встречи со своими однополчанами случайно разговорился с одним из них, казахом по национальности, который стал спрашивать его, не слышал ли он что—либо про бурята Инкижинова...

Этот его однополчанин — казах стал после войны видным ученым, доктором наук, и однажды побывал в научной командировке в Америке... на западном побережье, в Лос—Анджелесе...

Когда этот казах — ученый шел где—то по городу... возле него остановилась машина, из которой вышел пожилой человек азиатской наружности и спросил его на русском языке: "Не бурят ли он?.."

Узнав, что тот — казах, то есть советский гражданин, этот пожилой человек, назвавшийся Валерием Инкижиновым, все же пригласил его домой. Там их встретила жена Инкижинова, русская женщина. Угощение было в русском духе...".

И далее А. Тугутов продолжает: "Ведущим мотивом в устных преданиях вокруг имени Инкижинова является тема его ностальгии по родине. Она особенно заметна рядом с темой его профессиональной успешности и устроенности в жизни.

Чаще всего в этих преданиях он фигурирует в качестве голливудского или вообще американского деятеля кино, не то режиссера, не то продюсера. В рассказе ветерана обороны Бреста он устраивает случайно встретившемуся казаху —ученому экскурсию по киностудии.

По реальным же документам пока не удается найти свидетельств работы или жизни Валерия Ивановича Инкижинова в Америке"...

(c) : graltan

Дом Валерия Инкижинова в Париже на Монмартре. Фото Б. Дрюона, 19 декабря 2004 г.

Париж

Этот старый уютный дом находится в одном из самых живописных районов Парижа — на Монмартре. В этом доме номер восемь на авеню Рашель Валерий Инкижинов прожил больше десяти лет. Судя по высоким трехметровым окнам на втором этаже, здесь же находилась его студия.

Очевидно, что жил Инкижинов здесь один, без семьи, так как жена его, урожденная княжна Мария Агутинская—Долгорукая, умерла в 1944 году, а их единственная дочь Ирина умерла раньше — в 1929—м. (Княжна Мария Агутинская происходила родом из знатной фамилии князей Долгоруких. Через предков Долгоруких она примыкала к потомкам Рюрика, и одним из славных ее предков был князь Юрий Долгорукий, основатель Москвы, — примечание автора).

Официально женат Валерий Инкижинов был только один раз, других детей у него не было — так сказано в справке, которую по нашему запросу нам предоставила мэрия Парижа.

И действительно, наш последующий поиск родственников (возможных детей) Валерия Инкижинова не дал никаких результатов.

Ни в одном уголке Франции нет людей, носящих фамилию Инкижинофф, — таков был ответ.

Могилы жены его и дочери находятся на кладбище Сент — Женевьев де Буа. В 1973 году к ним присоединился и сам Валериан Иванович Инкижинов. Теперь они все вместе, рядом...

К сожалению, многое пока не известно о личной жизни Валерия Инкижинова во Франции.

Он потерял свою жену в 1944—м Но, конечно, такой красивый, импозантный человек, как Валериан Иванович Инкижинов, не мог всю свою жизнь оставаться один...

Ходили слухи о некоей французской миллионерше — армянке по происхождению, но это слухи, ничем не подтвержденные

Один из французских критиков в своей статье как бы вскользь упомянул о близости Инкижинова к французской красавице — актрисе, японке по происхождению, Йоко Тани. Действительно, им довелось сыграть вместе во многих картинах, иногда даже им приходилось играть супругов, но, к сожалению, Йоко Тани не так давно, в 2000 году, ушла в мир иной. Некому теперь пролить правдивый свет на их отношения в жизни

До самых последних дней своей жизни Валерий Инкижинов продолжал оставаться подтянутым, привлекательным, элегантным.

Его яркие зеленые глаза всегда притягивали к себе, а общение с ним всегда было интересным в силу его интеллигентности, глубоких знаний и компетентности в сфере кино и театра.

Но он уже играет последние роли в своей кинематографической жизни...

Он играет небольшие роли, чаще эпизоды... И вдруг в 1967 году ему снова выпадает удача — режиссер Франсуа Вилье ставит телесериал "Рыцари неба" и приглашает В. Инкижинова на одну из главных ролей.

Инкижинов великолепно исполняет роль мистера Икса, в очередной раз доказав свою профессиональность — 39 серий фильма за один год!

Каждую неделю на экране — Валерий Инкижинов!..

В этом же году — роль Фанг О Кунга в остросюжетной картине "Блондинка из Пекина" режиссера Николя Гесснера и — блистательно сыгранная роль продюсера Куобаски в картине "Авантюристы" вместе с Аленом Делоном и Лино Вентура!..

В 1971 году он получает снова главную роль — Танга — в одноименном тринадцатисерийном фильме режиссера Андрэ Мишеля.

Снова каждую неделю в каждом французском доме на экранах телевизоров — Валерий Инкижинов!..

Затем он участвует в фильме "Нефтедобытчицы". Старинный его друг режиссер Кристиан — Жак предоставил Валерию Инкижинову возможность встретиться в роли Спиттинга с Бриджит Бардо и Клаудиа Кардинале — звездами французского кинематографа.

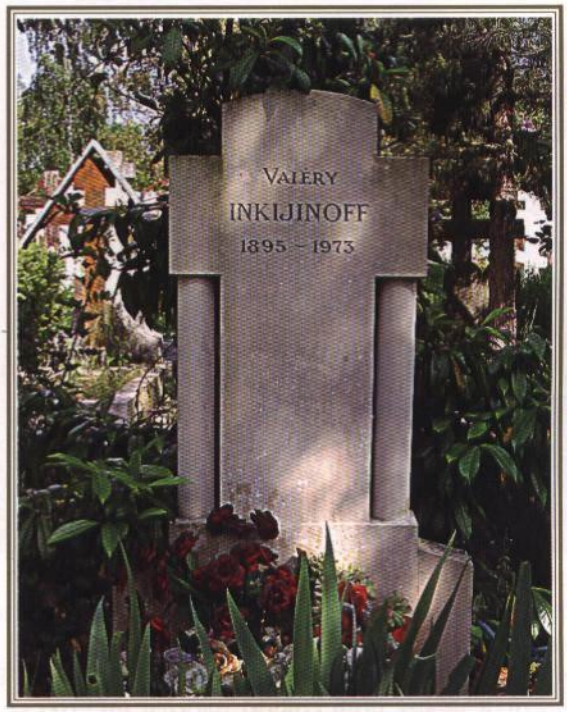
Наконец, в 1972 году, буквально за год до своей смерти Валерий Инкижинов появляется на экранах в своей последней роли в кино: Мэнх в сериале из 26—ти телефильмов: "Сын неба"...

Меня глубоко поразило столь символичное название его последнего фильма...

★ ★ ★

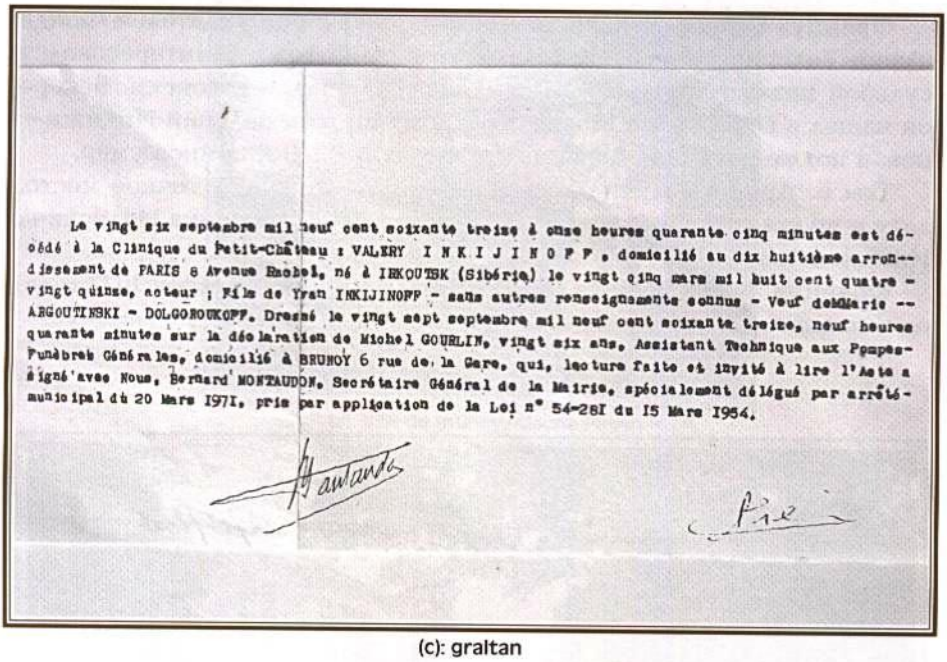
5 июня 2006 года мы с Бернаром приехали в Сент—Женевьев де Буа на могилу Валерия Инкижинова... Трава по пояс Памятника совсем почти не видно Вырвали руками всю траву, расчистили могилу, положили свежие цветы...

Сделали фотографию.



(c) : graltan

Могила Валерия Инкижинова на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Фото Б. Дрюона, 5 июня 2006 г.



Le vingt six septembre mil neuf cent soixante treize à onze heures quarante cinq minutes est décédé à la Clinique du Petit-Château : VALERY I N K I J I N O F F , domicilié au dix huitième arrondissement de PARIS 8 Avenue Rachel, né à IRKOUTSK (Sibérie) le vingt cinq mars mil huit cent quatre - vingt quinze, acteur ; Fils de Yvan INKIJINOFF - sans autres renseignements connus - Veuf de Marie -- ARGOUTINSKI - DOLGOROUKOFF. Dressé le vingt sept septembre mil neuf cent soixante treize, neuf heures quarante minutes sur la déclaration de Michel GOURLIN, vingt six ans, Assistant Technique aux Pompes-Funèbres Générales, domicilié à BRUNOY 6 rue de la Gare, qui, lecture faite et invité à lire l'Acte a signé avec Nous, Bernard MONTAUDON, Secrétaire Général de la Mairie, spécialement délégué par arrêté municipal du 20 Mars 1971, prie par application de la Loi n° 54-281 du 15 Mars 1954.

(c): graltan

Документ, удостоверяющий точную дату смерти В.И. Инкижинова.

"Двадцать шестого сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года в одиннадцать часов сорок пять минут утра в больнице Дома престарелых "Маленький Дворец" скончался Валери Инкижинофф, проживавший в восемнадцатом районе Парижа в доме 8, авеню Рашель. Родился в Иркутске (Сибирь) двадцать пятого марта тысяча восемьсот девяносто пятого года. Актер. Сын Ивана Инкижинофф — другие родственники неизвестны. Вдовец супруги Марии Агутинской — Долгорукой. Детей нет. Акт смерти составлен двадцать седьмого сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года в девять часов сорок минут утра по декларации Мишеля Гурлена, двадцати шести лет, ассистента — документалиста Генерального похоронного Бюро, город Брюнуа, 6, улица Вокзала, который подписал акт вместе с ответственным секретарем мэрии Бернаром Монтадоном согласно закону N 54—281 от 15 марта 1954".

(Перевод с французского).

Подписи. Печать на обороте.

(c): graltan

Avenue Monsieur.
Фото Б. Дрюона, 7 мая 2006 г.

В самой глубине этой маленькой узкой улочки расположена больница Дома престарелых "Маленький Дворец".

По этой улочке наш земляк Валерий Инкижинов ушел в свой последний путь...

(c): graltan

На табличке написано: город Брюнуа, улица ГОСПОДИНА.